

УДК 81'255.2

Л. Н. Кретова

*(канд. филол. наук, зав. кафедрой английского языка
ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный
педагогический университет», г. Новосибирск),*

Ю. Д. Кожевникова

*(студентка 6-го курса, специальность «Иностранный (английский) язык»,
ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный
педагогический университет», г. Новосибирск)*

ИННОВАТИВНОСТЬ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ МОДЕЛИ В ПРОЦЕССЕ РАБОТЫ С ИСТОРИЧЕСКИМ ТЕКСТОМ-СТИЛИЗАЦИЕЙ И СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ МОДЕЛИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ВЫПУСКНЫХ КВАЛИФИКАЦИОННЫХ РАБОТ СТУДЕНТОВ ФАКУЛЬТЕТА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Статья посвящена проблеме поиска переводческой модели при переводе исторического текста-стилизации на английский язык. Предлагаемая инновативная переводческая модель позволяет сохранить исторический колорит текста, использовать элементы стилизации под жанр устного народного творчества и сохранить авторские интенции, реализованные в тексте оригинала. Модель может быть использована при написании выпускных квалификационных работ студентами факультета иностранных языков.

Ключевые слова: инновативность, переводческая модель, стилизация, эквивалентность перевода, этнографизмы, историзмы, архаизмы.

L. N. Kretova, Y. D. Kozhevnikova

THE INNOVATIVENESS OF A TRANSLATION MODEL IN THE PROCESS OF WORK WITH THE HISTORICAL TEXT-STYLIZATION AND THE SPECIFICS OF MODEL WHEN STUDENTS PREPARE THEIR FINAL QUALIFICATION WORKS AT THE FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES

The article is devoted to the search of a translation model for rendering a historically stylized text into English. The offered translation model allows to keep up historical coloring of the text, to use stylization elements in the a genre of folklore and to keep the author's intentions realized in the text of the original. The model can be used by students of the faculty of foreign languages when writing their final qualification works

Keywords: innovativeness, translation model, stylization, equivalence of the translation, ethnographism, historicism, archaisms.

Под моделью перевода понимается условное изображение процедуры осуществления процесса перевода, которое основано на попытке распространить на перевод некоторые общие постулаты языкознания или психологии. Если ре-

зультат перевода оказывается таким, каким он должен был получиться согласно данной модели, значит модель «работает», хотя это, разумеется, не доказывает, что переводчик осознанно использовал такую модель. Подобное утверждение

ориентировано на ситуации стандартного перевода текстов разных типов, при которых возможно использование одной из моделей. В настоящее время в теории перевода разработано несколько таких моделей, наибольшее распространение получили: *ситуативная, трансформационная и семантическая*.

Ситуативная модель перевода основана на положении о том, что любая ситуация может быть в принципе описана средствами любого языка. На основе этого положения предполагается, что процесс перевода осуществляется в два этапа: от текста оригинала к действительности и от действительности к тексту перевода. Таким образом, ситуативная модель перевода дает возможность объяснить те особенности переводческого процесса, которые связаны с обращением переводчика к реальной действительности. **Трансформационная модель** основывается на положениях трансформационной грамматики, которая постулирует существование в языке рядов взаимосвязанных синтаксических структур. Трансформационная модель предлагает рассматривать процесс перевода как ряд последовательных трансформаций в двух языках, исходя из предположения, что ядерные структуры в разных языках совпадают в значительно большей степени, чем производные структуры.

Семантическая модель перевода представляет процесс перевода как идентификацию и сохранение релевантных сем оригинала. Предполагается, что процесс перевода может осуществляться в два этапа. На первом этапе переводчик определяет семный состав отрезка оригинала и решает, какие из выявленных сем релевантны для коммуникации и должны быть переданы в переводе. На втором этапе в языке перевода подбираются единицы, в значения которых входит как можно больше сем оригинала, в первую очередь, релевантных. Степень близости перевода к ори-

гиналу определяется количеством общих сем.

Для теории перевода особое значение имеют данные психолингвистических исследований, свидетельствующие о том, что внутренняя программа речепроизводства формируется не на базе естественного языка, а на индивидуальном предметно-образном коде человека. Она представляет в сжатой форме замысел высказывания и может затем развертываться средствами любого языка, которыми этот человек владеет. Поскольку переводчик также осуществляет речевую деятельность, создавая текст перевода, процесс перевода должен проходить через те же этапы, но при весьма существенном отличии: внутренняя программа переводчика создается не им самим, а представляет собой свернутое содержание оригинала.

Подобные дедуктивные модели перевода представляют процесс перевода в общей форме в виде ряда последовательных операций. Другой способ описания переводческого процесса заключается в попытке обнаружить более конкретные операции, с помощью которых переводчик может осуществлять переход от оригинала к переводу. Предполагается, что отношение между отрезком оригинала и соответствующим отрезком перевода можно представить как преобразование (трансформацию) первого во второй по определенным правилам. Подобные переводческие трансформации могут рассматриваться как приемы перевода, которые переводчик использует для преодоления типичных трудностей.

В настоящей статье мы обратимся к выпускной квалификационной работе выпускницы факультета иностранных языков, посвященной проблеме перевода оригинального текста «Песни про царя Ивана Васильевича...» М. Ю. Лермонтова на английский язык. Ю. Кожевникова, студентка факультета иностранных языков, рассмотрела не только трансформации при переводе и эквивалентность пе-

ревода, но и обратила внимание на те компоненты текста, которые не подлежат переводу в силу ряда причин. К этим причинам относятся:

- наличие безэквивалентной лексики (боярыня, опричник и т. д.);
- наличие устаревших компонентов в тексте оригинала (други);
- наличие элементов народно-поэтического творчества (али, маво, гой еси, молода жена, поцалуемтесь);
- использование историзмов и архаизмов в качестве средств стилизации.

Эквивалентные соответствия

Гей ты, **верный наш слуга**, Кирибеевич
Ожидает он себе **противника**...

Thou, **our faithful servant**, Kiribyeyevich
Thus he awaiteth an **adversary**...

Словосочетание «верный наш слуга» имеет эквивалент в английском языке «our faithful servant», а слово «противник» – эквивалент «adversary».

Прежде **свах**е смышленной покланяйся

| To the prudent **matchmaker** bow thee low

Русское слово «свах» имеет эквивалент в английском языке «matchmaker». По словарю Мюллера он является единственным. То же мы видим и в следующем примере:

Вы за душу мою, душу **грешную!**

| For the peace of my soul, of my **sinful soul!**

Вариативные соответствия

А. Иноязычное слово сохраняет свою форму в переводе.

Войнич использовала прием транслитерации, который наиболее часто применяется в случае перевода имен собственных.

Ох ты гой еси, **царь Иван Васильевич!**

| Now all hail to thee, **Tzar Ivan Vasilyevich!**

Б. Иноязычное слово передается описательно.

Через описание передается смысл слова, которого нет в языке перевода или оно имеет эквивалент, значение которого отличается от значения оригинала.

Приведем примеры лексико-семантических модификаций.

Удалой боец, буйный молодец

| **A bold fighter and dreadful in battle**

- Сужение (или конкретизация исходного значения).

Родной батюшка уж в **сырой земле**

| My father lies under **the churchyard mould**

Более широкое значение «сырая земля» сужено до «кладбищенская почва», что лишает текст устойчивого оборота (сравним, например, с «мать сыра

земля»), лишает текст эвфемизма, позволяющего избегать слова «кладбище» и всех связанных с ним ассоциаций.

• Расширение.

Опустил он в землю очи **темные**

On the earth his **gloomy** eyes were fixed

У слова «gloomy» более широкое значение, чем просто «темные»: угрюмый, печальный; удручающий; хмурый; темный.

Аргмак мой степной ходит весело

Merrily goeth my **horse** in his pride

У слова «horse» (лошадь, конь) более широкое значение, чем у слова «аргмак».

Ай, **ребята**, пойте – только гусли стройте!
Ай, **ребята**, пейте – дело разумеите!

Hey, **merry minstrels**, sing, but tune each sounding string!
Hey, **merry minstrels**, drink, let the foaming goblets clink!

Рассказ в «Песне...» ведется от имени гусяров. Гусяры играют важнейшую роль в структуре поэмы. Возможно, для того чтобы подчеркнуть это, Войнич ис-

пользует более широкое значение, словосочетание «merry minstrels» (веселые музыканты).

• Эмфатизация.

Ты убил **мово** верного слугу,
Мово лучшего бойца Кирибеевича?

Hast thou slain with death **my** faithful servant,
E'en the best of **my** braves, Kiribyeevich?

Изменяется стилистическая окраска просторечия «мово», которая явно прослеживается в русском тексте и нейтра-

лизуется в переводе. Стилистическая окрашенность просторечия «мово» делается его средством экспрессии в тексте.

Уж вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь да обнимемтесь.

Oh brothers mine and mine own dear kin,
Come kiss me and let us embrace one another.

Во втором примере мы видим, что просторечные «поцалуемтесь», «обнимемтесь» также утрачиваются в процессе перевода. В обоих случаях теряются особенности поэтического языка Лермонтова. Лермонтов использует просторечия для стилизации языка поэмы под народную песню. Войнич же не сохраняет просторечия при переводе, нарушая, тем самым, окраску народно-поэтического стиля.

Стилистические средства в разных языках очень похожи. Главное отличие кроется в традиции употребления одних и тех же средств в разных языках.

Часто употребительным средством художественной выразительности в поэме Лермонтова является сравнение. В английском языке данный стилистический прием называется simile.

Ходит плавно – **будто лебедушка**;
Смотрит сладко – **как голубушка**;
Молвит слово – **соловей поет**;

Moveth stately, **as a gliding swan**,
Gazeth sweetly, **as a brooding dove**,
Speaketh – 'tis **as sings the nightingale**,

В оригинале и в переводе использовано сравнение, т. е. предметы уподобляются друг другу по какому-то признаку. Здесь мы встречаемся с зооморфным сравнением, в котором качества героя уподобляются качеству животного. Войнич не оставила без внимания зооморфизм, который тесно связан со сравнением в оригинале поэмы. Но в тексте перевода нет традиционных для русского фольклора

уменьшительных и ласкательных имен. Ввиду того, что удельный вес аффиксальных образований в русском языке значительно выше, нежели в английском, при этом разнообразная система суффиксов русского языка выражает огромный спектр различных эмоциональных отношений, переводчик сталкивается с проблемой непеводимости значения уменьшительно-ласкательных суффиксов с русского язы-

ка на английский. Для передачи значений уменьшительно-ласкательных суффиксов русского языка Войнич использует описательный метод при помощи английских прилагательных «gliding» и «brooding».

Оглянулась – человек бежит

Возможно, Войнич использует сравнения для того, чтобы подчеркнуть описываемое событие, обратить на него внимание читателей.

Не встречает его **молода жена**
А родился я от **честного отца**

В этих примерах мы видим сохранение эпитета на языке перевода. Но в первом примере Лермонтов использует пространственную в народной речи краткую форму прилагательного «молода», которая не сохраняется в тексте перевода,

Я убил его **вольною волей**

Творительный сравнения, используемый в тексте оригинала и являющийся исключительно специфичным тропом, связанным этимологически с творительным превращения (убил волею), в переводе не сохранен, так как данный компаратив отсутствует в английском языке. Отсутствие категории творительного падежа не позволяет говорить об эквивалентности в грамматическом плане. Смысл оригинала сохранен частично: я убил его волей и намере-

Горят **очи** его **соколиные**

Лермонтов часто использует анафоры, которые способствуют созданию лиризма, усиливают впечатление, нагнетают ритм.

Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не таился от свету небесного...

Сохранение в тексте перевода данной анафоры позволяет англоязычному читателю прочувствовать замысел Лермонтова. Однако в тексте оригинала есть инверсия, невозможность сохранения которой при переводе текста на английский

Повалился он на **холодный снег**,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка во сыром бору

Также в тексте перевода мы встретили такие сравнения, которых в тексте оригинала нет.

I looked back, – ‘twas a man running swift **as a wind**

Другим немаловажным стилистическим средством, которое встречается в тексте оригинала, является эпитет.

His **young wife** standeth not in the doorway to greet him
And begotten was I of a **honest man**

соответственно стилистическая окраска нарушается.

В следующем примере эпитет, использованный в оригинале поэмы, не сохраняется в переводе.

I slew him **of mine own will and intent**

ниями, – так может звучать перевод английской версии, но помня о том, что в оригинале была тавтология (вольною волей), была форма творительного сравнения (в английском это метафора), а также что в тексте оригинала нет слова «намерение», сложно назвать предлагаемый вариант перевода эквивалентным.

В следующем случае эпитет, использованный в оригинале, в переводе поэмы является зооморфным сравнением.

Keen are his **eyes as the eyes of the falcon**

I have **not** shamed another’s wife,
Nor lain in wait like a thief in the dark,
Nor hid me away from heaven’s light.

язык связана с объективными причинами: прямой порядок слов в английском языке. Близость поэмы к традициям народно-поэтического творчества проявляется в «подхватах».

Dead he fell **on the frozen snow**
On the frozen snow, as a **pine-tree falls**,
As a **pine-tree falls** in the forest dark

В английском языке данный стилистический прием называется *chain repetition*. В переводе поэмы этот прием сохраняется, он придает речи особый ритм и мелодичность.

Лермонтову удалось воспроизвести убедительный и реалистичный образ древней Руси, с ее представителями, их характерами, нравами и обычаями. Для этого автору было необходимо ввести в повествование признаки реального исторического времени.

Так во фразе «Не истерся ли твой парчовый **кафтан?**» историзм «кафтан» Войнич заменила приближающимся по смыслу словом «*mantle*» – мантия, учитывая необходимость ориентирования текста на англоязычного читателя: *I doubt me thy gold-broidered mantle is worn.*

В следующих примерах представлены случаи употребления этнографизмов: «Уж потешьте вы доброго **боярина** И **боярыню** его белолицую!... И **опричник** молодой застонал слегка...».

Для зарубежных лиц русские слова «боярин», «боярыня», «опричник» являются этнографизмами. В данном примере мы видим, что этнографизмы вводятся в текст на английском без попыток заменить их приближающимися по смыслу словами-понятиями этого языка: «Do all honour to the virtuous **boyarin**, And his young **boyarinya**, fair of countenance!... And the young **oprichnik** faintly sighed».

Для создания определенного колорита эпохи Лермонтов активно использует архаизмы: «**Аль** ты думу затаил нечестивую? **Али** славе нашей завидуешь?»

В этом примере утрачивается древнерусский союз «али», соответственно происходит трансформация на стилистическом уровне. Но Войнич попыталась восполнить эту утрату, используя «*dost*» – устаревшую форму глагола «*do*»: **Dost** thou hide in thy soul an evil intent? **Dost** thou envy thy master his glory?

В примере: «Али служба тебе честная **прискучила?**» архаизм «прискучила» имеет смысл «надоела», но Войнич отказывается от схожего по значению «*tire*» – «надоедать», «прискучить», заменяя его выражением, которое имеет смысл «такое тяжелое бремя», возможно для того, чтобы усилить смысл сказанного героем: «*Oh say, is our service so heavy a burden?*» Вместе с тем при таком переводе утрачивается стилизация текста под народно-поэтический.

В примере: «От вечерни домой шла я **нонече** Вдоль по улице одинешенька» мы видим, что автору перевода удалось перевести архаизм «нонече» на английское архаичное словосочетание «*even now*», которое передает читателю ощущение старины, в значении «только что»: «**Even now** I came from the vespers home In the twilight alone, in the lonely street». При этом утрачена лексема «одинешенька», являющаяся как средством стилизации под устно-поэтическую речь, так и средством усиления семантики одиночества.

В примере: «Ты не дай меня, свою верную жену, Злым **охульникам** в поругание!» мы также видим, что Войнич попыталась прибегнуть к историзации, используя устаревшее «*evil-doers*»: «Give me not up, thy true and faithful wife To **evil-doers** for a mockery!»

Поэма Лермонтова буквально насыщена устаревшими словами, а архаизмы, относясь к несовпадающим элементам языка, обозначая понятия, чуждые для других культур, всегда представляют в процессе перевода особую сложность. Несмотря на это, Войнич попыталась передать ту атмосферу и эмоциональность, и тот информационный потенциал, которые заложены в оригинале.

Для придания архаичного стиля повествованию Войнич использует устаревший способ образования глаголов третьего лица единственного числа с помощью окончания *-th*. Это представлено в следующих примерах.

Шелковые товары раскладывает,
Речью ласковой гостей он заманивает
Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь ярких камней аль цветной парчи?
И ласкал он меня, целовал меня
Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибеевич

В двух последних примерах мы видим устаревшую форму глагола «have», а в предыдущих устаревшую форму глагола «would».

Делай сам, как знаешь, как ведаешь
Отвечай мне по правде, по совести,
Волной волей или нехотя
Ты убил мово верного слугу,
Мово лучшего бойца Кирибеевича?

Последнюю национальную ноту в поэме задают восклицания гусяров, сообщающие финалу радостную окраску, в ос-

Красно начинали – красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте.
Тороватому боярину слава!
И красавице боярыне слава!
И всему народу христианскому слава!

Говоря в целом о тексте перевода, можно сделать вывод, что он не является эквивалентным оригиналу. Близость поэмы Лермонтова к традициям народно-поэтического творчества проявляется в ее образном строе и поэтике, в ее лексико-стилистических и ритмико-метрических особенностях. Трудность для переводчика при передаче исторического и национального колорита возникает уже из того, что здесь перед ним не отдельные, конкретно уловимые, выделяющиеся в контексте элементы, а качество, в той или иной мере присущее всем компонентам произведения: языковому материалу, форме и содержанию. Именно поэтому есть необходимость комплексного использования названных ранее моделей перевода, а также транслитерации, употребления безэквивалентных форм (в том числе и просторечных, народно-поэтических, стилизованных форм и т. д.). Модель можно назвать диахронической стилистической моделью перевода. Эта модель уместна при переводе стилизованных текстов, в частности текстов, передающих опре-

All around him he **spreadeth** his silken wares;
With fair speech he **enticeth** the strangers to enter
Wouldst thou gold, or pearls from the orient seas?
Wouldst thou flashing jewels, or silver brocade?
He **hath** shamed me, he **hath** dishonoured me
That the Tzar's oprichnik, the False Kiribyeveich,
Hath defiled our honourable house

Также для придания архаичности переводу Войнич использует устаревшие местоимения.

Do **thou** as **thou** wilt, as it seemeth **thee** good
Answer me now on **thy** conscience, in truth:
Of **thine** own intent, or against **thy** will,
Hast **thou** slain with death my faithful servant,
E'en the best of my braves, Kiribyeveich?

нове чего лежит народный исторический оптимизм. Войнич также торжественно передает этот финальный аккорд.

Meetly end your singing now that meetly halth begun,
Giving honour as is due, unto every one.
Now honour to the virtuous boyarin!
And honour to the fair boyarinya!
And honour to all faithful Christian folk!

деленную историческую эпоху и вместе с тем ориентированных на определенный жанр поэтического творчества, например, как в данном случае, на народно-поэтическое творчество. Придерживаясь точки зрения В. М. Ослоповой и А. В. Бакулева, под диахроническим переводом мы понимаем перевод текста, время создания которого значительно отдалено от времени создания перевода. По этому признаку он противопоставлен синхроническому переводу [1, с. 138].

В. К. Ланчиков в статье «Историческая стилизация в синхроническом художественном переводе» предлагает различать историзацию целостную и условную [2, с. 119]. При *целостной историзации* предполагается как можно более правдоподобная передача исторического колорита и речевого узуса определенной эпохи в прошлом. Языковая атмосфера этой конкретной эпохи должна быть передана максимально точно, полно и последовательно. Поэтому при таком виде историзации очень высоки требования к исторической достоверности перевода. Од-

нако целостная историческая стилизация редко используется, если временная дистанция между эпохой, язык которой должен быть воссоздан в переводе, и современностью слишком велика. Изменения узуса в таком случае могут быть настолько разительными, что обилие вышедших из употребления форм сделает текст перевода малопонятным современному читателю и коммуникативная цель не будет достигнута.

Условная историзация также предполагает создание исторического колорита, однако не нацелена на «реконструкцию» языковой атмосферы конкретной эпохи. Задача переводчика в этом случае – архаизировать текст ровно настолько, чтобы дать читателю почувствовать временную дистанцию между ним и автором оригинала, но при этом не создавать сложностей в понимании текста. У реципиента должно создаваться ощущение принадлежности текста перевода к некоторому «прошлому вообще», а не к какой-то определенной эпохе. Вследствие этого существенно изменяется характер требований к достоверности и последовательности использования средств историзации. Переводчик может употреблять архаизмы самых разных эпох, не перегружая текст малопонятными устаревшими формами [3, с. 157].

Переводческая стратегия для успешного выполнения диахронического перевода, в частности, для достижения адекватной историзации текста, должна представлять собой компромисс между полным отказом от сохранения временной дистанции, который предполагается при стратегии модернизации, и чрезмерной архаизацией, препятствующей пониманию.

Таким образом, архаизация и модернизация сами по себе не являются стратегиями успешного диахронического перевода. Но наша модель предполагает включенность стилистических компонентов, что позволяет говорить о стилистическом компоненте модели: использование просторечной лексики, разговорной лексики, лексики, характерной для УНТ и т. д.

Необходимой чертой правдоподобной временной стилизации является ее системность. Под этим подразумевается, что средства историзации должны применяться последовательно, на всех уровнях текста, то есть архаизмы, используемые переводчиком, должны быть не только собственно лексическими, но и грамматическими, синтаксическими и т. д. Именно это и не представлено в тексте перевода Войнич в полном объеме.

Таким образом, при переводческой языковой архаизации текста в него включаются различные «архаизирующие» элементы, то есть языковые средства, придающие тексту оттенок старины. Средства архаизации должны применяться системно, на всех уровнях текста, иначе правдоподобие стилизации будет нарушено.

Список литературы

1. *Виноградов В. С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001.
2. *Ланчиков В. К.* Историческая стилизация в синхроническом художественном переводе. Перевод и дискурс // Вестник МГЛУ. 2002. Вып. 463. С. 115–122.
3. *Ослопова В. М., Бакулев А. В.* Особенности переводческих преобразований в диахроническом переводе (на материале текстов среднеанглийского и раннеанглийского периодов) // Успехи современного естествознания. 2012. № 5. С. 157–159.